

HORNBLOWER

The poster features three main characters against a background of a Union Jack flag and a hazy scene of sailing ships. In the center is a man with brown hair, wearing a red and blue naval officer's uniform with gold epaulettes and a sword at his waist. To his left is another man in a dark blue naval uniform and a bicorne hat. To his right is a woman in a white period dress with a blue sash. The overall tone is dramatic and historical.

С. С. ФОРЕСТЕР

Хорнблауэр

— под —
СЯГОМ ПОБЕДНЫМ

Хорнблауэр

Сесил Форестер
Под стягом победным

«ВЕЧЕ»

1938

Форестер С. С.

Под стягом победным / С. С. Форестер — «ВЕЧЕ»,
1938 — (Хорнблауэр)

ISBN 978-5-4444-9258-1

Необходимость сплотить Европу подстегивает Бонапарта все сильнее и сильнее. Он уж давно не останавливается ни перед чем. Расстрел герцога Энгиенского, гибель в имперских застенках Альвареса и Туссен-Лувертюра. Вереница известных и неизвестных имен. Шестнадцать дней назад Хорнблауэр тоже неограниченно распоряжался судьбами пяти сотен моряков. Малейшее его слово приводило в движение исполинскую боевую машину. Теперь он никто. Человек, который расписывал по минутам жизнь на 74-пушечном корабле, выпрашивает один-единственный матрац для своего старшины. Хуже того, его везут в Париж как преступника. Очень скоро холодным утром его выведут в ров Венсенского замка, чтобы поставить к стенке. Капитан завидовал старому сгорбленному пастуху, который брел, опираясь на палку, по склону холма. У старика было все, ведь он брел куда хотел. А что было у Хорнблауэра? Чужая земля под ногами, тяжелораненый друг и никаких шансов на побег...

ISBN 978-5-4444-9258-1

© Форестер С. С., 1938
© ВЕЧЕ, 1938

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	19
Глава V	25
Глава VI	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сесил Скотт Форестер

Под стягом победным

© Cassette Productions Ltd, 1938

© Доброхотова-Майкова Е.М., перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Я нашел «Хорнблауэра» восхитительным и чрезвычайно увлекательным.

Уинстон Черчилль

«Хорнблауэр» – величайшая из серий в жанре военно-исторической прозы. Прекрасное путешествие, описанное удивительным языком, в обществе лучшего из спутников – Горацио Хорнблауэра.

Бернард Корнуэлл, автор книг о стрелке Шарпе

Хорнблауэр – это Гамлет на боевом корабле.
New York Times

Глава I

Капитан Горацио Хорнблауэр расхаживал взад-вперед по крепостному валу Росаса, как разрешил ему комендант: от одного часового с заряженным ружьем до другого. В синем южном небе над головой висело южное солнце, по-осеннему ярко вспыхивая на южной синеве залива Росас. Синеву окаймляли полосы белой пены – там ленивые волны разбивались о золотистый прибрежный песок и серо-зеленые обрывы. Черный в свете солнца, хлопал на ветру французский триколор, возвещая миру, что Росас – в руках французов, а Хорнблауэр – военнопленный. Меньше чем в полумиле покоился остов его бывшего корабля – «Сатерленд» выбросили на мель, иначе бы он затонул, – а на одной линии с ним покачивались четыре его недавних противника. Хорнблауэр шурился на них, сожалея об утрате подзорной трубы. Даже и так он видел, что корабли не готовы выйти в море и вряд ли будут готовы. Двухпалубник, который не потерял в бою ни мачты, и тот еле-еле держался на плаву – помпы на нем работали каждые два часа. На трех других не установили еще ни одной мачты взамен сбитых. Французы ведут себя, как ленивые салаги, что неудивительно – семнадцать лет их бьют на море, шесть лет держат в жесткой блокаде.

Они на французский манер расшаркивались перед ним, превозносили его «героическую оборону» после «мужественного решения» броситься между Росасом и спешившими укрыться там четырьмя линейными кораблями. Они выражали живейшую радость, что он вышел целым из сражения, в котором потерял убитыми и ранеными две трети команды. Но они набросились на добычу с алчностью, снискавшей Имперской армии ненависть всей Европы. Они обшарили карманы даже у раненых, когда, стонущих, горами увозили их с «Сатерленда». При встрече с Хорнблауэром французский адмирал удивился, не видя шпаги, которую отослал своему пленнику в знак восхищения его отвагой; когда Хорнблауэр ответил, что никакой шпаги не получал, адмирал велел разобраться. Шпага отыскалась на французском флагмане, выброшенная за ненадобностью: гордая надпись, как и прежде, украшала лезвие, но золото с эфеса и ножен исчезло. Адмирал лишь рассмеялся и вора искать не стал. Сейчас награда Патриотического фонда висела у Хорнблауэра на боку, голая рукоять сиротливо торчала из ножен, от жемчуга, золота и слоновой кости остались одни воспоминания.

С равной жадностью французские солдаты и матросы накинудись на «Сатерленд» и ободрали все, вплоть до медяшек. Они в один присест смолотили жалкую провизию – не зря говорят, что Бонапарт держит своих людей на голодном пайке. Однако пьяным не напился почти никто, хотя рома было вдоволь. Девять из десяти британских моряков перед лицом подобного искушения (какому никогда бы не подставил их британский офицер) упились бы до беспамятства или до пьяной свары. Французские офицеры обратились к пленным с обычным призывом перейти на их сторону, суля хорошее обращение и щедрое жалование. Сейчас Хорнблауэр с гордостью вспоминал, что ни один из его людей не поддался на уговоры.

Теперь те немногие, кто чудом не получил ранений, томились под замком – их загнали в душный склад, лишив табака, рома и свежего воздуха, что для большинства и составляло разницу между раем и адом. Раненых – сто сорок пять человек – бросили в сырой каземат, умирать от гангрены и лихорадки. Руководство нищей армии, которое и для своих-то людей мало что могло сделать, сочло неразумным тратить силы и медикаменты на раненых, с которыми, выживи они, не оберешься хлопот.

Хорнблауэр тихо застонал на ходу. Ему предоставили комнату, слугу, право гулять на свежем воздухе и греться на солнце, а несчастные, которыми он командовал, заживо гниют взаперти – даже тех двух-трех офицеров, которые не ранены, поместили в городскую тюрьму. Правда, он подозревал, что его берегут для иной участи. В те славные дни, когда он,

сам того не ведая, заслужил прозвище «Гроза Средиземноморья», ему случилось подойти к батарее в Льянце под французским флагом и взять ее штурмом. То была законная *ruse de guerre*, военная хитрость, подобных которой немало насчитывается в истории, но французское правительство явно намеревалось истолковать ее как нарушение воинских соглашений. С первым же конвоем его отправят во Францию или в Барселону, а там – военно-полевой суд и, вполне вероятно, расстрел. Бонапарт мстителен и к тому же стремится убедить Европу в подлости и двуличности англичан. Хорнблауэру казалось, что именно это он читает в глазах тюремщиков.

За время, прошедшее с пленения «Сатерленда», курьер наверняка успел доскакать до Парижа с новостями и вернуться в Росас с распоряжениями Бонапарта. «Монитор Юниверсаль», надо думать, захлебывается от восторга, расписывая всему континенту славную победу над линейным кораблем, неопровержимо доказывающую, что Англия, подобно древнему Карфагену, вот-вот падет; через месяц-два та же газета сообщит, что бесчестный прислужник вероломного Альбиона заслуженно расстрелян в Венсенском замке или Монжуи.

Хорнблауэр прочистил горло. Удивительное дело – он не чувствовал и тени боязни. Мысль о скором и неминуемом конце пугала его куда меньше, чем расплывчатые страхи перед началом боя. Мало того – он почти с облегчением сознавал, что смерть избавит его от треволнений. Не надо думать о Марии, которая скоро родит, мучиться ревностью и томиться по леди Барбаре, жене адмирала Лейтона. Это будет достойный мужчины конец, а для такого человека, как Хорнблауэр – мнительного, вечно мучимого страхом провала или бесчестия, – даже желанный.

Это будет окончанием плена. Хорнблауэр два года протомился в Ферроле, но время притупило горькие воспоминания, и лишь сейчас они нахлынули с новой силой. А ведь тогда он не знал, что такое свобода и каково оно – ходить по палубе капитаном, самым свободным из смертных. Быть пленником – пытка, даже если можешь смотреть на небо и солнце. Наверное, так чувствует себя запертый в клетке лев. Хорнблауэр физически ощущал, как давит на него заточение. Он сжал кулаки и с трудом сдержался, чтобы не воздеть их к небу в жесте отчаяния.

И тут же овладел собой, внутренне презирая себя за детскую слабость. Чтобы отвлечься, он стал глядеть на такое любимое синее небо, на черных бакланов над обрывами, на кружащих в синеве чаек. Милях в пяти от Росаса белели марсели¹ – фрегат его британского величества «Кассандра» неусыпно следил за четырьмя линейными кораблями в заливе, а еще дальше Хорнблауэр различал бом-брамсели «Плутона» и «Калигулы» – адмирал Лейтон, недостойный муж обожаемой леди Барбары, по-прежнему командует эскадрой, но сейчас лучше из-за этого не огорчаться. Эскадра ждет, когда Средиземноморский флот пришлет подкрепление, чтобы уничтожить его победителей. Британия отомстит за «Сатерленд». Как ни мощны пушки Росаса, Мартин, вице-адмирал, возглавляющий блокаду Тулона, проследит, чтобы Лейтон не сел в лужу.

Хорнблауэр перенес взор на крепостной вал с громадами двадцатичетырехфунтовок. На угловых бастиянах стоят и вовсе исполины – сорокадвухфунтовые пушки. Он перегнулся через парапет и поглядел вниз; уступ высотой в двадцать пять футов, затем ров, а по дну рва вьется крепкий частокот, который не прорвать иначе, как подойдя вплотную. С налету Росас не взять. Десятка два часовых, подобно самому Хорнблауэру, расхаживали по стене, напротив высились массивные ворота с крытой галереей, на которой укрывались еще человек сто, готовые отразить атаку, если ее не заметят первые двадцать.

Во дворе под стеной маршировало пехотное подразделение – до Хорнблауэра отчетливо долетали итальянские команды. Бонапарт завоевывает Каталонию силами своих сател-

¹ См. краткий морской словарь в конце книги.

литов – здесь воюют итальянцы, неаполитанцы, немцы, швейцарцы, поляки. Мундиры на солдатах не лучше, чем их строй: лохмотья, да и те разномастные – белые, серые, коричневые, в зависимости от того, что нашлось на складе. К тому же они голодают, бедолаги. Из пяти-шести тысяч расквартированных в Росасе солдат этот полк единственный занят строевой подготовкой – остальные рыщут по окрестностям в поисках пропитания. Бонапарт не намерен кормить людей, чьими руками завоевывает мир, да и платит им от случая к случаю, с опозданием годика этак на два. Хорнблауэр дивился, как эта прогнившая империя еще не рухнула. Вероятно, потому, что ее соперники, европейские короли и князьки, являют собой полнейшее ничтожество. В эту самую минуту на другом конце Пиренейского полуострова ей преградил путь настоящий военачальник с армией, которая знает, что такое дисциплина. Это противостояние решит судьбу Европы. Хорнблауэр не сомневался, что победят красные мундиры Веллингтона – он был бы в этом уверен, даже не будь Веллингтон братом обожаемой леди Барбары.

Тут он пожал плечами. Даже Веллингтон не победит Французскую империю так быстро, чтобы спасти его от суда и расстрела. Мало того, время, отпущенное ему для прогулки, истекало. Следующий пункт небогатой программы – посетить раненых в каземате, потом – пленных в здании склада. Комендант любезно разрешил ему проводить там и там по десять минут, после чего его вновь запирали – читать и перечитывать пяток книг (больше в Росасе не нашлось), или ходить взад-вперед по комнате, три шага туда, три шага обратно, или лежать на кровати ничком, думая о Марии, о ребенке, который родится под Новый год. И еще мучительнее – о леди Барбаре.

Глава II

Хорнблауэр проснулся ночью и с минуту гадал, что же его разбудило. Потом звук повторился, и он понял. То был глухой артиллерийский раскат. Стреляли пушки с крепостного вала над его комнатой. Он рывком сел – сердце отчаянно колотилось – и еще не коснулся ступнями пола, как вся крепость пришла в движение. Над головой палили пушки. Где-то далеко, вне крепости, тоже звучала канонада – сотни выстрелов сливались в многоголосом хоре. В небе вспыхивали зарницы, их слабые отсветы проникали в комнату сквозь зарешеченное окно. Сразу за дверью били барабаны и гудели горны, призывая гарнизон к оружию. Во дворе стучали по булыжнику кованые сапоги.

Чудовищная канонада могла означать только одно: под покровом тьмы в бухту проскользнула эскадра и теперь бортовыми залпами разносит стоящие на якоре корабли. В полумиле от него разыгрывается величайшее морское сражение, а он не видит – это сводило его с ума. Он попробовал было зажечь свечу. Дрожащие пальцы не справились с кремнем и огнивом – он бросил трутницу на пол, нашарил в темноте и надел сюртук, штаны, башмаки, и тут же яростно заколотил в дверь. Он знал, что часовой за дверью – итальянец, сам же он по-итальянски не говорил, только бегло по-испански и чуть-чуть по-французски.

– *Officier! Officier!* – кричал Хорнблауэр. Наконец он услышал, как часовой зовет сержанта, а затем и различил унтер-офицерскую поступь. Лязг и топот во дворе уже стихли.

– Что вам нужно? – спросил сержант. По крайней мере, так Хорнблауэр догадался – слов он не понял.

– *Officier! Officier!* – не унимался Хорнблауэр, продолжая молотить по тяжелой двери. Залпы гремели без перерыва. Хорнблауэр что есть силы лупил кулаками в дверь, пока не услышал, как в замке повернулся ключ. Дверь распахнулась, свет фонаря ослепил Хорнблауэра, он заморгал. Перед дверью стояли часовой, сержант и молодой субалтерн в ладном белом мундире.

– Кес-ке мсье дезир? – спросил офицер. По крайней мере, он говорил по-французски, хотя и весьма посредственно.

– Я хочу видеть! – Хорнблауэр с трудом подбирал слова. – Я хочу видеть сражение! Выпустите меня на крепостной вал!

Молодой офицер нехотя помотал головой: как и остальные, он сочувствовал английскому капитану. Говорят, того скоро отвезут в Париж и расстреляют.

– Это запрещено, – сказал он.

– Я не сбегу. – От волнения у Хорнблауэра развязался язык. – Даю слово чести... клянусь! Пойдите со мной, только выпустите меня! Я хочу видеть!

Офицер заколебался.

– Я не могу оставить свой пост, – сказал он.

– Тогда выпустите меня одного. Клянусь, я не уйду со стены. Я не попытаюсь бежать.

– Слово чести? – спросил субалтерн.

– Слово чести. Спасибо, сударь.

Субалтерн посторонился, Хорнблауэр пулей вылетел из комнаты, пробежал по короткому коридорчику во двор и дальше по пандусу на выходящий к морю бастион. Как раз когда он оказался наверху, оглушительно выпалили сорокадвухфунтовые пушки. Языки оранжевого пламени ослепили его. В темноте клубился горький пороховой дым. Не замеченный никем из артиллеристов, Хорнблауэр бегом спустился по крутым ступенькам на куртину меж бастионов – здесь вспышки не ослепляли и можно было видеть.

Залив Росас освещали выстрелы. Потом, пять раз подряд, громыкнули бортовые залпы, и каждый озарил величавый корабль в безупречном кильватерном строю. Эскадра скользила

мимо стоящих на якоре французских судов, и каждый корабль палил в свой черед. Хорнблауэр различил «Плутон» – английский военно-морской флаг на грот-мачте, адмиральский флаг на бизань-мачте, марсели расправлены, остальные паруса взяты на гитовы. Там Лейтон, ходит по шканцам, может быть – думает о леди Барбаре. За «Плутоном» шел «Калигула». Болтон тяжело ступает по палубе, упиваясь грохотом бортовых залпов. «Калигула» стрелял быстро и четко: Болтон – хороший капитан, хотя и плохо образованный человек. Слова «*Oderunt dum metuant*» – «Пусть ненавидят, лишь бы боялись» – изречение императора Калигулы, выложенные золотыми буквами на корме его корабля, не значили для Болтона ничего, пока Хорнблауэр не перевел и не разъяснил смысл. Быть может, сейчас французские ядра бьют по этим самым буквам.

Однако французские корабли стреляли плохо и нерегулярно. Борта их не озарялись единым залпом, только случайными неравномерными вспышками. Пушки стреляют по одной – ночью, при внезапном нападении неприятеля, Хорнблауэр не доверил бы стрелять независимо даже британским канонирам. Интересно, какая часть расчетов целит как следует? Наверное, даже не каждый десятый. Что до больших пушек на бастионах, они не только не помогали товарищам в заливе, но скорее вредили. Стреляя в темноте на полмили, даже с твердой опоры и даже из большой пушки, рискуешь попасть как в чужих, так и в своих. Адмирал Мартин хорошо сделал, что, презрев навигационные опасности, послал Лейтона именно в такую безлунную ночь. Хорнблауэр, дрожа от волнения, представлял, что творится на английских кораблях – лотовые заученно выкрикивают глубину, корабль кренится от отдачи, фонари освещают дымные палубы, визжат и грохочут орудийные катки, офицеры уверенно руководят стрельбой, капитан тихо отдает указания рулевому. Он перегнулся через парапет, вглядываясь во тьму.

Ноздри зашевелил запах горящего дерева, не похожий на плывущий от пушек пороховой дым. Это затопили печи для разогрева ядер, однако комендант будет дураком, если прикажет стрелять калеными ядрами в таких условиях. Французские корабли горят не хуже английских, а вероятность попасть что в тех, что в других совершенно одинакова. Тут Хорнблауэр с силой сжал каменный парапет и до боли в глазах стал вглядываться в привлечший его внимание отсвет, далекое, еле заметное зарево. В кильватере боевых кораблей британцы привели брандеры. Эскадра на якоре – идеальная цель для брандеров, и атаку Мартин продумал хорошо – идущие впереди линейные корабли потопили караульные шлюпки, отвлекли внимание французов, ослабили их огневую мощь. Отсвет ширился, огонь разгорался, озаряя корпус и мачты небольшого брига, вот вспыхнуло еще ярче – это смельчаки на борту открыли люки и орудийные порты, чтобы увеличить тягу. Хорнблауэр с крепостного вала видел даже языки пламени и в их свете – силуэт «Турени», того самого французского корабля, который вышел из боя с неповрежденными мачтами. Молодой офицер там на брандере хладнокровен и решителен – он выбрал наилучшую цель.

Огонь побежал по такелажу «Турени», очертив ее силуэт, словно праздничная иллюминация. Иногда пламя взвивалось ввысь – это вспыхивали на палубе картузы с порохом. Внезапно весь иллюминированный корабль развернулся и двинулся по ветру – перегорели якорные канаты.

Упала, сыпля искрами и отражаясь в воде, мачта. На других французских кораблях перестали стрелять – матросов отозвали от пушек, чтобы в случае чего оттолкнуть пылающую громаду. Озаренные пламенем силуэты кораблей двигались – вероятно, напуганные близостью «Турени» офицеры приказали обрубить якоря.

Тут Хорнблауэр отвлекся: огонь разгорался ближе к берегу, там, где лежал выброшенный на мель «Сатерленд». Он тоже пылал. Какие-то смелые британцы высадились на него и подожгли, чтобы не оставлять французам и такой жалкий трофей. Дальше в заливе засветились три красные точки. У Хорнблауэра от волнения сперло дыхание – он подумал, что

загорелся английский корабль. Но нет, это сигнал, три красных фонаря, видимо, заранее условленный, потому что пальба сразу стихла. Горящие корабли озаряли ползалива, и в их свете Хорнблауэр отчетливо видел: еще три корабля, лишенные мачт и якорей, дрейфуют к берегу. Тут зарево осветило весь залив, над водой прокатился оглушительный грохот – огонь добрался до порохового погреба «Турени». Взорвались двадцать тонн пороха. Несколько секунд Хорнблауэр ничего не видел и не соображал: даже здесь, на бастионе, взрыв потряхнул его, как сердитая нянька – расшалившегося дитя.

Начало светать, вокруг проступили очертания крепостных стен, пылающий «Сатерленд» несколько поблек. Далеко в заливе, недостижимые для городских пушек, стройной кильватерной колонной уходили в море пять британских линейных кораблей. Что-то было не так с «Плутоном» – только со второго взгляда Хорнблауэр понял, что флагман лишился грот-стенги. По крайней мере, одно французское ядро в цель угодило. Другие британские корабли, видимо, не пострадали в этой операции – одной из самых блестящих в истории британского флота. Хорнблауэр оторвал взгляд от удаляющихся друзей и оглядел арену сражения. «Турень» и брандер сгинули, на месте «Сатерленда» догорали черные уголья, да вился над водою серый дымок. Два из трех линейных кораблей выбросило на камни к западу от крепости – французам их не починить. Уцелел только трехпалубник – побитый, без единой мачты, он качался на якоре у самой кромки прибоя. Первый же шторм выбросит на берег и его. Британскому Средиземноморскому флоту не придется больше следить за заливом Росас.

Появился генерал Видаль, комендант крепости – он вместе со штабными офицерами делал обход и спас Хорнблауэра от приступа отчаяния, в которое тот чуть было не впал, провожая глазами удаляющихся друзей.

При виде Хорнблауэра генерал остановился.

– Что вы здесь делаете? – спросил он, однако за внешней суровостью угадывалось жалостливое участие – его Хорнблауэр замечал с тех пор, как пошли разговоры о расстреле.

– Меня выпустил караульный офицер, – объяснил Хорнблауэр на ломаном французском. – Я дал ему слово чести, что не сделаю попытки бежать. Если хотите, я повторю это в вашем присутствии.

– Он не имел права вас отпускать, – буркнул комендант, однако в речи его сквозило все то же роковое участие. – Полагаю, вы хотели видеть сражение?

– Да, генерал.

– Ваши соотечественники провели блестящую операцию. – Генерал печально покачал головой. – Боюсь, капитан, после этих событий вы не выиграли в глазах парижского правительства.

Хорнблауэр пожал плечами – за несколько дней общения с французами он успел подцепить эту привычку. Дивясь своему равнодушию, он отметил, что комендант впервые открыто намекнул на исходящую из Парижа угрозу.

– Мне нечего страшиться за свои поступки.

– Да-да, конечно, – сказал комендант торопливо и несколько смущенно, будто убеждал ребенка, что лекарство негорькое.

Он огляделся, ища, на что бы перевести разговор – к счастью, повод отыскался сразу. Из недр крепости донеслись приглушенные крики «ура!» – английские, неитальянские.

– Должно быть, это ваши люди, капитан, – сказал генерал, снова улыбаясь. – Полагаю, новый пленный рассказывает им о сегодняшнем сражении.

– Новый пленный? – переспросил Хорнблауэр.

– Да-да. Человек, который упал за борт адмиральского корабля – «Плутон», кажется? – и выплыл на берег. Вам, наверное, интересно с ним поговорить, капитан? Так поговорите. Дюпон, проводи капитана в тюрьму.

Хорнблауэр так торопился выслушать новоприбывшего, что едва нашел время поблагодарить коменданта. За две недели в плену он приобрел неодолимую тягу к новостям. Он сбежал по пандусу впереди отдувающегося Дюпона, бегом пересек брусчатый дворик. Провожатый велел часовому открыть дверь, и по темной лестнице они спустились еще к одной двери, окованной железом. Здесь дежурили двое часовых. Они, гремя ключами, отворили дверь, и Хорнблауэр вошел в камеру.

Большое и низкое складское помещение освещалось и проветривалось двумя зарешеченными отверстиями, выходящими в крепостной ров. Оно пахло человеческим телом, а в данную минуту еще и гудело от голосов. Уцелевшие матросы с «Сатерленда» забрасывали вопросами человека, скрытого в середине толпы. При появлении Хорнблауэра толпа раздалась, и новый пленник вышел вперед – матрос в одних только холщовых штанах и с длинной косицей за спиной.

– Кто такой? – спросил Хорнблауэр.

– Филиппс, сэр. Грот-марсовый на «Плутоне».

Честные голубые глаза смотрели на Хорнблауэра без тени смущения. Не дезертир и не шпион – обе эти возможности Хорнблауэр учитывал.

– Как сюда попал?

– Мы ставили паруса, сэр, собирались, значит, выйти из залива. «Сатерленд» только что загорелся. Капитан Эллиот сказал, сэр, сказал, значит: «Пора, ребята. Брамсели и бом-брамсели». Мы, значит, полезли наверх, сэр. И вот я, значит, отдаю сезень грот-бом-брамселя, и тут, значит, стеньга как сломается, сэр, и я, вестимо, лечу в воду. Нас много попадало, сэр, но остальных, видать, убило, потому как ихний корабль, ну, горел который, его, значит, понесло ветром прямо на нас, сэр. По крайности, выплыл я один, сэр, я вижу: «Плутона» нет, я тогда поплыл к берегу, сэр, а там уже уйма французишек, думаю, с ихнего корабля, который горел, спаслись вплавь, и они отвели меня к солдатам, а солдаты сюда, сэр. Тут ихний офицер стал меня расспрашивать – вы бы обохотались, сэр, как он лопочет по-нашему – но я ничего не сказал. Я сейчас как раз говорил про сражение. «Плутон», сэр, и «Калигула», и...

– Я видел, – оборвал его Хорнблауэр. – На «Плутоне» упала стеньга. А так он сильно пострадал?

– Да сохрани вас Бог, сэр, ничуть. В нас ядер пять всего и попало, и то, можно сказать, не задела почти, только адмирала ранило.

– Адмирала! – Хорнблауэр пошатнулся, словно его ударили. – Адмирала Лейтона?

– Адмирала Лейтона, сэр.

– Его... его сильно ранило?

– Не знаю, сэр. Сам не видел, сэр, я был на главной палубе, вестимо. Помощник парусного мастера, значит, сказал мне, сэр, мол, адмирала ранило куском дерева. А ему сказал помощник купора, сэр, он помогал нести адмирала вниз.

Хорнблауэр на время потерял дар речи и только смотрел на добродушное туповатое лицо моряка. Однако даже сейчас он отметил про себя, что матрос нимало не огорчен происшедшим. Гибель Нельсона оплакивал весь флот, и есть десятки других адмиралов, о чьей смерти или ранении подчиненные рассказывали бы со слезами. Будь Лейтон одним из них, моряк сообщил бы о его ранении прежде, чем расписывать собственные злоключения. Хорнблауэр и прежде знал, что Лейтона недолюбливают офицеры, теперь увидел, что и матросы не питают к нему приязни. Однако, может быть, леди Барбара его любит. По крайней мере, она вышла за него замуж. Хорнблауэр, стараясь говорить естественно, выдавил:

– Ясно. – Потом огляделся, ища глазами старшину своей гички. – Что-нибудь новое, Браун?

– Ничего. Все в порядке, сэр.

Хорнблауэр постучал, чтобы его выпустили и проводили обратно в комнату, где можно будет походить от стены до стены, три шага туда, три шага обратно. Голова раскалывалась, как в огне. Он узнал очень мало, но достаточно, чтобы вышибить его из колеи. Лейтон ранен, однако это не значит, что он умрет. Рана от щепки может быть серьезной или пустяковой. Однако его унесли вниз. Ни один адмирал, пока он в силах сопротивляться, не позволил бы сделать с собой такое – по крайней мере, в пылу сражения. Может быть, ему разорвало лицо или вспорол живот – Хорнблауэр содрогнулся и поспешил отогнать воспоминания об ужасных ранах, которых навиделся за двадцать военных лет. Однако, безотносительно к чувствам, вполне вероятно, что Лейтон умрет, – Хорнблауэр в своей жизни подписал немало скорбных списков и знал, как невелики шансы у раненого.

Если Лейтон умрет, леди Барбара будет свободна. Но что ему до того – ему, женатому человеку, который скоро вновь станет отцом? Пока жива Мария, леди Барбара для него недоступна. Однако, если она овдовеет, это уймет его ревность. Но она может вторично выйти замуж, и ему придется заново переживать муки, как и тогда, когда он услышал о ее браке с Лейтоном. Если так, пусть лучше Лейтон живет – искалеченный или утративший мужские способности. Последнее соображение увлекло его в такой водоворот горячих мыслей, что он еле выкарабкался.

Теперь в голове прояснилось, он зло и холодно обозвал себя глупцом. Он в плену у человека, чья империя протянулась от Балтики до Гибралтара. Он выйдет на свободу стариком, когда их с Марией ребенок вырастет. И вдруг Хорнблауэр вздрогнул, вспомнив: его расстреляют. За нарушение воинских соглашений. Странно, как он забыл? Он зло сказал себе, что трусливо исключает возможность смерти из своих расчетов, потому что страшится о ней думать.

И еще кое о чем он давно не вспоминал. О трибунале, перед которым он предстанет, если не будет расстрелян и выйдет на свободу. О трибунале, который будет судить его за сданный неприятелю «Сатерленд». Его могут приговорить к смерти или ослабить – британская публика не спустит человеку, сдавшему британский линейный корабль, каким бы ни был численный перевес противника. Хорошо бы спросить Филиппа, матроса с «Плутона», что говорят флотские, оправдывает или осуждает его молва. Но, конечно, это невозможно: капитан не может спрашивать матроса, что думает о нем флот, тем более что правды он все равно не услышит. Его обступали неопределенности: сколько продлится плен, будут ли французы его судить, выживет ли Лейтон. Даже с Марией все неопределенно – родит она мальчика или девочку, увидит ли он ребенка, шевельнет ли кто-нибудь пальцем, чтобы ей помочь, сумеет ли она без его поддержки дать ребенку образование?

Плен душил его, душила невыносимая тоска по свободе, по Барбаре и по Марии.

Глава III

На следующий день Хорнблауэр опять ходил по крепостному валу. Отведенный ему отрезок, как всегда, охраняли двое часовых с заряженными ружьями, приставленный для охраны субалтерн скромно сидел на парапете, словно не хотел мешать погруженному в глубокую задумчивость пленнику. Однако Хорнблауэр устал мыслить. Весь вчерашний день и почти всю вчерашнюю ночь он в смятении рассудка мерил шагами комнату – три шага туда, три шага обратно, – и теперь пришла спасительная усталость, думы отступили.

Он радовался всякому разнообразию. Вот какая-та суета у ворот, часовые забегали, отпирая запоры, въехала, дребезжа, карета, запряженная шестеркой великолепных коней. Карету сопровождали пятьдесят верховых в треуголках и синих с красным мундирах бонапартистской жандармерии. С живым интересом затворника Хорнблауэр разглядывал жандармов, слуг и кучера на козлах. Один из офицеров торопливо спешил, чтобы распахнуть дверцу. Явно приехал кто-то важный. Хорнблауэр даже огорчился немного, когда вместо маршала в парадном мундире с плюмажами из кареты вылез еще один жандармский офицер – молодой человек с яйцевидной головой, которую он обнажил, пролезая в низкую дверцу. На груди – орден Почетного легиона, на ногах – высокие сапоги со шпорами. От нечего делать Хорнблауэр гадал, почему жандармский полковник, явно не калека, приехал в карете, а не в седле. Звеня шпорами, полковник направился к комендантскому штабу, Хорнблауэр провожал его взглядом.

Отпущенное для прогулки время уже заканчивалось, когда на стену поднялся молодой адъютант из комендантской свиты и отдал Хорнблауэру честь.

– Его превосходительство шлет вам свои приветствия, сударь, и просит уделить ему несколько минут, когда сочтете удобным.

Обращенные к пленнику, эти слова могли бы с тем же успехом звучать: «явиться немедленно».

– Я с превеликим удовольствием отправлюсь прямо сейчас, – отвечал Хорнблауэр в духе того же мрачного фарса.

В штабе коменданта давешний жандармский полковник беседовал с его превосходительством с глазу на глаз. Лицо у коменданта было расстроенным.

– Честь имею представить вам, капитан, – сказал он, поворачиваясь к Хорнблауэру, – полковника Жана-Батиста Кайяра, кавалера Большого орла, ордена Почетного легиона, одного из личных адъютантов его императорского величества. Полковник, это флота его британского величества капитан Горацио Хорнблауэр.

Комендант был явно встревожен и опечален. Руки его подрагивали, голос чуть прерывался, а попытка правильно произнести «Горацио» и «Хорнблауэр» явно не удалась. Хорнблауэр поклонился, но, поскольку полковник даже не нагнул головы, застыл, как солдат на параде. Он сразу раскусил это человека – приближенный деспота, который подражает даже не деспоту, а тому, как, по его мнению, деспот должен себя вести – из кожи вон лезет, чтобы стать бóльшим иродом, чем сам Ирод. Может быть, это внешнее – вполне вероятно, он добрый муж и любящий отец, но от этого не легче. Люди, оказавшиеся во власти этого человека, будут страдать от его усилий доказать не только окружающим, но и себе, что он еще суровее, еще непреклоннее, а значит – еще лучше для дела, чем его патрон.

Полковник взглядом смерил Хорнблауэра с головы до пят и холодно осведомился у коменданта:

– Почему он при шпаге?

– Адмирал в тот же день вернул ее капитану Хорнблауэру, – поспешил объяснить комендант. – Он сказал...

– Не важно, что он сказал, – оборвал Кайяр. – Преступникам не оставляют оружия. Шпага – символ воинской чести, которой он не обладает. Отцепите шпагу, сударь.

Хорнблауэр стоял потрясенный, с трудом веря своим ушам. Кайяр говорил с кривой усмешкой, обнажая белые зубы под черными, словно рассекшими бронзовое лицо, усами.

– Отцепите шпагу, – повторил Кайяр.

Хорнблауэр не шевельнулся.

– Если ваше превосходительство позволит позвать жандарма, шпагу снимут силой.

После такой угрозы Хорнблауэр расстегнул перевязь. Шпага упала на пол, металлический звон прокатился в наступившей тишине. Наградная шпага, врученная ему Патриотическим фондом за мужество, проявленное при захвате «Кастилии», лежала, до половины выпав из ножен. Эфес без гарды и ободренные ножны вопияли об алчности имперских солдат.

– Хорошо! – сказал Кайяр. – Я попрошу ваше превосходительство известить его о скором отбытии.

– Полковник Кайяр, – сказал комендант, – приехал, чтобы забрать вас и мистэра... мистэра Буша в Париж.

– Буша? – Слова коменданта сразили Хорнблауэра так, как не сразила утрата шпаги. – Буша? Это невозможно. Лейтенант Буш тяжело ранен. Переезд может окончиться для него смертельно.

– Переезд в любом случае окончится для него смертельно, – сказал Кайяр с той же недоброй усмешкой.

Комендант всплеснул руками.

– Не говорите так, полковник. Этих господ будут судить. Трибунал еще не вынес вердикта.

– Эти господа, как вы, ваше превосходительство, их называли, собственным свидетельством скрепили свой приговор.

Хорнблауэр вспомнил: адмирал, готовя донесение, задавал вопросы, и он, отвечая, не стал отрицать, что командовал «Сатерлендом» при взятии батареи в Льянце, когда на его корабле подняли французский флаг. Хорнблауэр знал, что уловка была в достаточной мере законной, однако недооценил решимость французского императора парой показательных расстрелов убедить Европу в английском вероломстве. Что до вины – сам факт расстрела послужит ее доказательством.

– Полковник Кайяр приехал в карете, – сказал комендант. – Не сомневайтесь, что в дороге мистэру Бушу будет обеспечен весь возможный комфорт. Пожалуйста, скажите, кого из ваших людей вы хотите взять с собой в качестве слуги. И если я могу быть вам чем-нибудь полезен, я сделаю это с величайшим удовольствием.

Хорнблауэр задумался, кого взять. Полвил, который служил ему много лет, – в каземате, среди раненых. «Нет, я все равно бы не взял Полвила, это не тот человек, на которого можно рассчитывать в решительную минуту, а такая минута еще может подвернуться». Латюд² бежал из Бастилии. Что если Хорнблауэр убежит из Венсенского замка? Он вспомнил рельефные мускулы и бодрую преданность Брауна.

– Если позволите, я возьму старшину моей гички, Брауна.

– Конечно. Я пошлю за ним, а ваш теперешний слуга уложит пока вещи. А касательно ваших нужд в дороге?

– Мне ничего не надо, – сказал Хорнблауэр и в ту же секунду проклял свою гордость. Чтобы спасти себя и Буша от расстрела, потребуется золото.

² Жан Анри Латюд (1725–1805) – знаменитый узник Бастилии, куда попал за то, что в надежде войти в расположение к маркизе де Помпадур инсценировал покушение на нее, которое сам же и разоблачил. Бежал один раз из Бастилии, дважды – из Венсенского замка, но его всякий раз ловили и возвращали в тюрьму.

– Нет, я не могу вас так отпустить, – запротестовал комендант. – Деньги могут немного скрасить вам путь. Кроме того, не лишайте меня удовольствия хоть чем-то помочь мужественному человеку. Умоляю вас принять мой кошелек. Сделайте одолжение.

Хорнблауэр поборол гордость и принял протянутое портмоне. Оно оказалось на удивление тяжелым и музыкально звякнуло в руке.

– Глубоко признателен вам за доброту, – сказал он, – и за ласковое обращение, пока я был вашим пленником.

– Мне это было в удовольствие, как я уже говорил, – отвечал комендант. – Желаю вам... желаю всенепременной удачи в Париже.

– Довольно, – сказал Кайяр. – Его величество велел поторапливаться. Раненый во дворе?

Комендант повел их на улицу, и вокруг Хорнблауэра сразу сомкнулись жандармы. Буш лежал на носилках, непривычно бледный и осунувшийся. Дрожащей рукой он закрывал от света глаза. Хорнблауэр подбежал и встал на колени рядом с носилками.

– Буш, нас повезут в Париж, – сказал он.

– Как, вас и меня, сэр?

– Да.

– Я часто мечтал побывать в этом городе.

Лекарь-итальянец, который ампутировал Бушу ногу, дергал Хорнблауэра за рукав и тряс какими-то бумажками. Это инструкции, объяснял он на смеси французского с итальянским, как быть с раненым дальше. Любой французский врач их разберет. Как только освободятся лигатуры, рана заживет. На дорогу он положит в карету пакет с перевязочными материалами. Хорнблауэр начал благодарить, но тут жандармы стали заталкивать носилки в карету, и лекарь должен был ими руководить. Карета была длинной, носилки как раз поместились вдоль, концами на противоположных сиденьях.

Браун был уже тут с капитанским саквояжем. Кучер показал, как пристроить багаж. Жандарм открыл дверцу и ждал, пока Хорнблауэр сядет. Тот глядел на исполинский крепостной вал: какие-то полчаса назад он ходил там наверху, раздираемый сомнениями. Теперь, по крайней мере, стало одним сомнением меньше. Недели через две его расстреляют, покончив и с остальными. При этой мысли в душе закопошился страх, сводя на нет первое, почти радостное ощущение. Он не хотел в Париж умирать, он хотел сопротивляться. Тут пришла новая мысль: сопротивляться будет и тщетно, и унижительно. Надеясь, что никто не заметил его колебаний, он полез в карету.

Один из жандармов указал Брауну на дверцу, и тот с виноватым видом сел, явно робея в присутствии офицеров. Кайяр сажился на крупного вороного жеребца, который нетерпеливо грыз удила и злобно косился по сторонам. Утвердившись в седле, он подал команду, лошади застучали копытами, карета запрыгала по брусчатке, проехала в ворота и дальше на дорогу, которая вилась под пушками крепости. Верховые жандармы сомкнулись вокруг кареты и двинулись медленной рысью под скрип седел, звон сбруи и цокот лошадиных копыт.

Хорнблауэру хотелось поглядеть в окно на домики Росаса – после трех недель заточения все новое его подстегивало, но прежде следовало позаботиться о раненом лейтенанте.

– Как вам, мистер Буш? – спросил он, нагибаясь к носилкам.

– Очень хорошо, спасибо, сэр, – сказал Буш. Солнечный свет лился в окна кареты, кружевная тень придорожных деревьев скользила по лицу раненого. От лихорадки и потери крови кожа у Буша разгладилась, обтянула скулы, так что он казался удивительным образом помолодевшим. Хорнблауэру странно было видеть бледным обычно загорелого дочерна лейтенанта. Когда карета прыгала на ухабах, по лицу Буша пробегала чуть заметная гримаса боли.

– Могу я что-нибудь для вас сделать? – спросил Хорнблауэр, стараясь не выдать голосом своей беспомощности.

– Ничего, спасибо, сэр, – прошептал Буш.

– Попытайтесь уснуть, – сказал Хорнблауэр.

Рука, лежащая на одеяле, неуверенно потянулась к Хорнблауэру, тот взял ее и ощутил легкое пожатие. Какую-то секунду Буш гладил его руку, слабо, нежно, как женскую. Глаза у Буша были закрыты, изможденное лицо светилось слабой улыбкой. Они столько прослужили вместе и лишь сейчас позволили себе хоть как-то обнаружить взаимную приязнь. Буш повернулся щекой к подушке и затих. Хорнблауэр не решался двигаться, чтобы его не побеспокоить.

Карета ехала медленно – наверное, преодолевала долгий подъем на хребет, слагающий мыс Креус. Однако и при таком черепашьем шаге она трясла и моталась немилосердно: дорога, надо думать, пребывала в полнейшем небрежении. Судя по звонкому цокоту копыт, ехали они по камням, а судя по нестройности этого цокота, лошадям приходилось то и дело обходить ямы. В обрамлении окна Хорнблауэр видел, как в такт подпрыгиваниям кареты подпрыгивают синие мундиры и треуголки жандармов. Пятьдесят жандармов к ним приставили вовсе не потому, что они с Бушем такие уж важные птицы, просто здесь, в каких-то двадцати милях от Франции дорога все равно небезопасна для маленького отряда – за каждым холмом укрываются испанские герильеро.

Есть надежда, что на дорогу из Пиренейского укрытия выскочат Кларос или Ровира с тысячей ополченцев. В любую минуту их могут освободить. У Хорнблауэра участился пульс. Он беспокоенно то закидывал ногу на ногу, то снимал, однако так, чтобы не побеспокоить Буша. Он не хочет в Париж на шутовской суд. Он не хочет умирать. Его уже лихорадило от волнения, когда рассудок взял верх и побудил искать защиты в стоической отрешенности.

Браун сидел, сложа руки на груди, прямой, как шомпол. Хорнблауэр еле сдержал сочувственную улыбку. Брауну было явно не по себе. Он никогда не оказывался так близко к офицерам. Конечно, ему неловко сидеть рядом с капитаном и первым лейтенантом. Кстати, можно поручиться, что Браун и в карете-то никогда не бывал, не сидел на кожаной обивке, не ставил ноги на ковер. Не случалось ему и прислуживать важным господам, обязанности его как старшины были главным образом дисциплинарными и распорядительными. Занятно было наблюдать Брауна, как он с вошедшей в поговорку способностью британского моряка справиться в любой ситуации корчит из себя барского слугу, каким его представляет, и сидит себе, ну только венчика над головой не хватает.

Карету снова трянуло, лошади перешли с шага на рысь. Наверное, подъем они преодолели, дальше пойдет спуск, который выведет их на побережье к Льянцу, к той самой батарее, которую Хорнблауэр штурмовал под трехцветным французским флагом. Он всегда гордился этим подвигом, да, кстати, и последние события его не переубедили. Чего он не думал, так это что история с флагом приведет его к расстрелу в Париже. Со стороны Буша за окном уходили ввысь Пиренейские горы, в другое окно, когда карета поворачивала, Хорнблауэр различил море далеко внизу. Оно искрилось в лучах вечернего солнца. Изгибая шею, Хорнблауэр смотрел на стихию, которая так часто подло шутила с ним и которую он любил. При мысли, что он видит море в последний раз, к горлу подступил комок. Сегодня ночью они пересекут границу, завтра будут во Франции, через неделю-две его закопают во дворе Венсенского замка. Жаль расставаться с жизнью, со всеми ее сомнениями и тревогами, с Марией и ребенком, с леди Барбарой...

За окном мелькали белые домики; со стороны моря, на зеленом обрыве взгляду предстала батарея. Это Льянца. Хорнблауэр видел часового в синем с белым мундире, а пригнувшись и подняв глаза, разглядел французский флаг над батареей – несколько недель назад Буш спустил этот самый флаг. Кучер щелкнул бичом, лошади побежали быстрее – до границы

миль восемь, и Кайяр торопится пересечь ее засветло. Почему Кларос или Ровира не спешат на выручку? Каждый поворот дороги представлялся идеальным для засады. Скоро они будут во Франции, и тогда – прощай, надежда. Хорнблауэр с трудом сохранял невозмутимость. Казалось, как только они пересекут границу, рок станет окончательным и неотвратимым.

Быстро смеркалось – наверное, они уже у самой границы. Хорнблауэр пытался воскресить перед глазами карты, которые так часто изучал, и припомнить название пограничного городка, однако мешало волнение. Карета встала. Хорнблауэр услышал шаги, потом металлический голос Кайяра произнес: «Именем императора!», и незнакомый голос ответил: «Проезжайте, проезжайте, мсье». Карета рывком тронулась с места: они въехали во Францию. Конские копыта стучали по булыжнику. За обоими окнами мелькали дома, одно-два окошка горели. На улицах попадались солдаты в разноцветных мундирах, спешили по делам редкие женщины в чепцах и платьях. До кареты долетали смех и шутки. Внезапно лошади свернули направо и въехали во двор гостиницы. Замелькали фонари. Кто-то открыл дверцу кареты и откинул ступеньку.

Глава IV

Хорнблауэр оглядел комнату, куда их с Брауном провели хозяин и сержант, и с радостью увидел, что очаг топится – от долгого сидения в карете он совсем задубел. У стены стояла низенькая складная кровать, уже застеленная бельем. В двери, ступая тяжело и неуверенно, появился жандарм – он вместе с товарищем нес носилки – огляделся, куда их опустить, повернулся слишком резко и задел ношей о косяк.

– Осторожно с носилками! – заорал Хорнблауэр, потом вспомнил, что надо говорить по-французски. – *Attention! Mettez le brancard la doucement!*³

Браун склонился над носилками.

– Как называется это место? – спросил Хорнблауэр у хозяина.

– Сербер, трактир «Йена», мсье, – отвечал хозяин, тербя кожаный фартук.

– Этому господину запрещено вступать в разговоры, – вмешался сержант. – Будете его обслуживать, но молча. Свои пожелания он может высказать часовому у двери. Другой часовой будет стоять за окном. – Жандарм указал на треуголку и ружейное дуло, едва различимые за темным окном.

– Вы чересчур любезны, мсье, – сказал Хорнблауэр.

– Я подчиняюсь приказам. Ужин будет через полчаса.

– Полковник Кайяр чрезвычайно меня обяжет, если немедленно пошлет за врачом для лейтенанта Буша.

– Я скажу ему, сударь, – пообещал сержант, выпроваживая хозяина из комнаты.

Хорнблауэр склонился над Бушем. Тот даже посвежел с утра. На щеках проступил слабый румянец, движения немного окрепли.

– Могу ли я быть чем-нибудь полезен? – спросил Хорнблауэр.

– Да...

Буш объяснил, в чем состоят потребности больного. Хорнблауэр взглянул на Брауна несколько беспомощно.

– Боюсь, тут одному не справиться, сэр, я довольно тяжелый, – сказал Буш виновато.

Этот виноватый тон и подстегнул Хорнблауэра.

– Конечно, – объявил он с напускной бодростью. – Давай, Браун. Берись с другой стороны.

Когда с этим было покончено – Буш лишь раз чуть слышно простонал сквозь зубы, – Браун очередной раз продемонстрировал изумительную гибкость британского моряка.

– Что если я вымою вас, сэр? И вы ведь не брились сегодня, сэр?

Хорнблауэр сидел и с беспомощным восхищением наблюдал, как плечистый старшина ловко моет и бреет первого лейтенанта. Он так расстелил полотенца, что на одеяло не попало ни капли воды.

– Большое спасибо, Браун, – сказал Буш, откидываясь на подушку.

Дверь открылась, и вошел маленький бородатый человечек в полувоенном платье и с чемоданчиком.

– Добрый вечер, господа, – произнес он с несколько необычным выговором – позже Хорнблауэр узнал, что так говорят в Южной Франции. – Я, с вашего позволения, врач. Это раненый офицер? А это записки моего коллеги из Росаса? Да, именно. Как самочувствие, сударь?

Хорнблауэр сбивчиво переводил вопросы лекаря и ответы Буша. Врач попросил показать язык, пощупал пульс и, сунув руку под рубашку, определил температуру.

³ Осторожно! Ставьте носилки сюда аккуратно! (фр.)

– Так, – сказал он, – теперь осмотрим конечность. Вы не подержите свечу, сударь?

Отвернув одеяло, лекарь обнажил корзинку, защищавшую обрубок, снял ее и начал разматывать бинты.

– Скажите ему, сэр, – попросил Буш, – что нога, которой нет, ужасно затекает, а я не знаю, как ее потерять.

Перевод потребовал от Хорнблауэра невероятных усилий, однако лекарь выслушал сочувственно.

– Это в порядке вещей, – сказал он. – Со временем пройдет само. А вот и культя. Отличная культя. Дивная культя.

Хорнблауэр заставил себя взглянуть. Больше всего это походило на жареную баранью ногу – клочья мяса, стянутые наполовину затянувшимися рубцами. Из шва висели две черные нитки.

– Когда мсье лейтенант снова начнет ходить, – пояснил лекарь, – он порадует, что на конце культы осталась прокладка из мяса. Кость не будет тереться...

– Да, конечно, – сказал Хорнблауэр, перебарывая тошноту.

– Чудесно сработано, – продолжал лекарь. – Пока все быстро заживает, гангрены нет. На этой стадии при постановке диагноза врач должен прибегнуть к помощи обоняния.

Подтверждая свои слова, лекарь обнюхал бинты и культю.

– Понюхайте, мсье, – сказал он, поднося бинты Хорнблауэру под нос.

Хорнблауэр ощутил слабый запах тления.

– Ведь правда, замечательно пахнет? – спросил лекарь. – Дивная, здоровая рана, и по всем признакам лигатуры скоро отойдут.

Хорнблауэр понял, что две черные нитки – привязанные к двум главным артериям лигатуры: когда концы артерий разложатся и нитки отойдут, рана сможет затянуться. Вопрос, что произойдет быстрее – перегниют артерии или возникнет гангрена?

– Я проверю, не свободны ли еще лигатуры. Предупредите вашего друга, что сейчас ему будет больно.

Хорнблауэр взглянул Бушу в лицо, чтобы перевести, и вздрогнул, увидев, что оно перекошено страхом.

– Я знаю, – сказал Буш. – Я знаю, что он будет делать... сэр.

Он добавил «сэр» чуть запоздало – явный знак внутреннего напряжения. Руки его вцепились в одеяло, губы были сжаты, глаза – закрыты.

– Я готов, – произнес он сквозь зубы.

Лекарь сильно потянул за нить, Буш дернулся. Лекарь потянул за вторую.

– А-а-а... – выдохнул Буш. Лицо его покрылось потом.

– Почти свободны, – заключил лекарь. – Ваш друг скоро поправится. Сейчас мы его опять забинтуем. Так. Так.

Ловкими короткими пальцами он перевязал обрубок, надел на место корзинку и прикрыл одеялом.

– Спасибо, господа, – сказал он, вставая и обтирая руки одна о другую. – Я зайду утром. – И вышел.

– Может, вам лучше сесть, сэр? – Голос Брауна доносился как бы издалека. Комната плыла. Хорнблауэр сел. Туман перед глазами начал рассеиваться. Хорнблауэр увидел, что Буш, откинувшись на подушку, пытается улыбнуться, а честное лицо Брауна выражает крайнюю озабоченность.

– Ужас как вы выглядели, сэр. Небось проголодались, сэр, еще бы, не ели с самого утра. Браун тактично приписал его обморок голоду, а не постыдной боязни ран и страданий.

– Похоже, ужин несут, – прохрипел с носилок Буш, словно тоже участвовал в заговоре.

Звеня шпорами, вошел сержант, за ним две служанки с подносами. Не поднимая глаз, женщины накрыли на стол и так же с опущенными глазами вышли. Впрочем, когда Браун многозначительно кашлянул, одна легонько улыбнулась, но сержант уже сердито замахал рукой. Обозрев напоследок комнату, он захлопнул дверь и загремел ключами в запорах.

– Суп, – сказал Хорнблауэр, заглядывая в супницу, от которой поднимался дразнящий дымок. – А тут, я полагаю, тушеное мясо.

Подтверждалась его догадка, что французы питаются исключительно супом и тушеным мясом – вульгарному мифу о лягушках и улитках он не доверял.

– Бульона поедите, Буш? – спросил он, стараясь за разговорчивостью скрыть накопившее отчаяние. – Бокал вина? Наклейки нет, но будем надеяться на лучшее.

– Небось их поносный кларет, – проворчал Буш.

За восемнадцать лет войны с Францией большинство англичан уверилось, что пить можно только портвейн, херес и мадеру, а французы употребляют исключительно кларет, от которого у человека непривычного случается несварение желудка.

– Посмотрим, – сказал Хорнблауэр бодро. – Давайте сперва немного вас приподнимем.

Он подсунул руки под плечи Бушу, потянул на себя и беспомощно огляделся. К счастью, Браун уже снял с постели подушку. Вдвоем они устроили Буша полусидя-полулежа и подвязали ему салфетку, Хорнблауэр принес тарелку супа и кусок хлеба.

– М-м, – сказал Буш, пробуя. – Могло быть хуже. Прошу вас, сэр, ешьте, пока не остыло.

Браун придвинул к столу стул и вытянулся за спинкой по стойке «смирно»: хотя прибора было два, сразу стало ясно, как далек он от мысли сесть с капитаном.

– Еще супа, Браун, – сказал Буш. – И вина, пожалуйста.

Тушеная говядина оказалась превосходной даже на вкус человека, привыкшего, что мясо надо жевать.

– Лопни моя селезенка, – объявил Буш. – А тушеного мяса мне можно, сэр? Что-то я с дороги проголодался.

Хорнблауэр задумался. Когда человека лихорадит, ему лучше есть поменьше, но признаков лихорадки он не видел. К тому же Бушу надо оправляться после потери крови. Все решило голодное выражение на лице лейтенанта.

– Немного вам не повредит, – сказал Хорнблауэр. – Браун, передай мистеру Бушу тарелку.

На «Сатерленде» кормили однообразно, в Росасе – скудно. Теперь они вкусно поели, выпили хорошего вина, обогрелись и даже немного разговорились. Однако ни один не мог преодолеть некую невидимую преграду. Аура могущества, окружающая капитана на линейном корабле, сохранялась и после гибели корабля, мало того, беседе препятствовала та дистанция, которую всегда сохранял Хорнблауэр. А для Брауна первый лейтенант был почти так же недостижимо высок, как и капитан. В присутствии офицеров он испытывал благоговейный ужас, хотя личина старого слуги помогала преодолеть неловкость. Хорнблауэр доедал сыр. Наступил момент, которого Браун страшился.

– Ну, Браун, – сказал Хорнблауэр, вставая. – Сядь и поешь, пока не остыло.

Семнадцать из своих двадцати восьми лет Браун служил его британскому величеству на флоте его величества и за эти годы пользовался за едой исключительно ножом и пальцами, ни разу не ел с фарфоровой тарелки, никогда не пил из бокала. Он запаниковал – ему казалось, что офицеры вылупили на него огромные, как площадки, глаза. Он нервно схватил ложку и приступил к незнакомой задаче. Хорнблауэр внезапно увидел его смущение так, словно заглянул внутрь. У Брауна железные мускулы и нервы, которым Хорнблауэр нередко завидовал, в бою он храбр той храбростью, какая Хорнблауэру и не снилась. Он умеет вязать узлы и сплесни, брать рифы, убирать паруса, править, бросать лот и грести – все это много лучше, чем его капитан. Он, не задумываясь, полез бы на мачту ночью, в ревущий шторм,

однако при виде ножа и вилки руки его задрожали. Хорнблауэр подумал, что Гиббон смог бы афористично вывести мораль в двух ярких антитезах.

Унижение никому не идет на пользу – Хорнблауэр отлично знал это по себе. Он взял стул, поставил возле носилок, сел лицом к Бушу и постарался вовлечь его в разговор. За спиной ложка скребла по фарфору.

– Переберетесь в постель? – спросил он первое, что пришло в голову.

– Нет, сэр, спасибо, – ответил Буш. – Я уже две недели сплю на носилках. Мне тут удобно сэр, да и больно было бы перебираться, даже если бы... если...

Бушу не хватало слов выразить безусловную решимость не ложиться вместо капитана в единственную постель.

– Зачем мы едем в Париж, сэр? – спросил он.

– Бог его знает, – отвечал Хорнблауэр. – Думаю, Бони хочет о чем-то нас порасспросить.

Вопроса он ждал и ответ приготовил несколько часов назад: Бушу в его состоянии лучше не знать о предстоящем расстреле.

– Много ему будет проку от наших ответов, – сказал Буш мрачно. – Может, пригласит нас в Тюильри выпить чайку с Марией-Луизой.

– Может, – согласился Хорнблауэр. – А может, решил поучиться у вас навигации. Я слышал, он в математике слабоват.

Буш улыбнулся. Считал он туго, и простейшая задачка из сферической тригонометрии оборачивалась для него пыткой. Чутким слухом Хорнблауэр уловил, как скрипнул под Брауном стул – видимо, трапеца продвигалась успешно.

– Налей себе вина, Браун, – сказал Хорнблауэр, не оборачиваясь.

На столе оставалась непочатая бутылка и еще немного в другой. Сейчас можно проверить, как у Брауна с тягой к спиртному. Хорнблауэр упорно не поворачивался к нему лицом и кое-как поддерживал затухающий разговор. Пятью минутами позже стул под Брауном скрипнул более определенно, и Хорнблауэр обернулся.

– Поел, Браун?

– Так точно, сэр. Отличный ужин.

Супница и судок опустели, от хлеба осталась одна горбушка, от сыра – последний ломтик. Однако в бутылке убыло всего на треть – Браун удовольствовался от силы полбутылкой. По тому, что он выпил не больше и не меньше, можно заключить, что он не пьяница.

– Тогда дерни звонок.

Вдалеке зазвенело, потом в двери повернулся ключ, вошел сержант с двумя служанками: женщины принялись убирать со стола, сержант присматривал.

– Надо раздобыть тебе какую-нибудь постель, Браун, – сказал Хорнблауэр.

– Я могу спать на полу, сэр.

– Нет, не можешь.

Молодым офицером Хорнблауэру случалось спать на голых палубных досках, и он помнил, как это неудобно.

– Моему слуге нужна постель, – обратился он к сержанту.

– На полу поспит, – отозвался тот.

– Ничего подобного. Найдите ему постель.

Хорнблауэр, к собственному удивлению, обнаружил, что бойко объясняется по-французски. Сообразительность помогала максимально использовать небольшой набор выражений, цепкая память хранила все когда-либо слышанные слова – при необходимости они сами оказывались на языке.

Сержант пожал плечами и грубо повернулся спиной.

– Завтра утром я доложу полковнику Кайяру о вашей наглости, – сказал Хорнблауэр в сердцах. – Немедленно принесите матрац.

На сержанта подействовала не столько угроза, сколько вошедшая в плоть и кровь привычка к повиновению. Даже сержант французской жандармерии был научен уважать золотой позумент, эполеты и властный голос. Может быть, его смягчило и явное недовольство служанок, возмущенных тем, что такой красавчик будет спать на полу. Он позвал часового и велел принести с конюшни матрац. Это оказался всего-навсего соломенный тюфяк, однако несравненно более удобный, чем голые доски. Браун взглянул на Хорнблауэра с благодарностью.

– Время отбоя, – объявил Хорнблауэр, оставляя без внимания этот взгляд. – Сперва, Буш, устроим поудобнее вас.

Из какой-то непонятной гордости Хорнблауэр отыскал в саквояже вышитую ночную рубашку, над которой любовно потрудились заботливые Мариины пальцы. Он взял ее из Англии на случай, если придется ночевать у губернатора или у адмирала. За всю бытность свою капитаном он ни с кем, кроме Марии, комнаты не делил, и теперь стыдился готовиться ко сну на глазах у Брауна и Буша. Он до смешного стеснялся их, хотя Буш уже откинулся на подушку и закрыл глаза, а Браун, скромно потупившись, скинул штаны, завернулся в плащ, который Хорнблауэр всучил ему чуть не насильно, и свернулся на тюфяке, ни разу на капитана не взглянув.

Хорнблауэр залез в постель.

– Все? – спросил он и задул свечу; дрова в камине прогорели, красные уголья слабо озаряли комнату. Начиналась бессонная ночь, чье приближение Хорнблауэр научился угадывать заранее. Задув свечу и опустив голову на подушку, он уже знал, что не заснет почти до зари. Будь это на корабле, он вышел бы на палубу или на кормовую галерею, здесь ему оставалось только лежать неподвижно. Иногда по шороху соломы он догадывался, что Браун повернулся на своем тюфяке, раз или два простонал в нездоровом забытии Буш.

Сегодня среда. Шестнадцать дней назад Хорнблауэр командовал семидесятичетырехпушечным кораблем и неограниченно распоряжался судьбами пяти сотен моряков. Малейшее его слово приводило в движение исполинскую боевую машину, от ударов, которые он наносил, содрогались троны. Он с тоской вспоминал ночь на корабле, скрип древесины и пение такелаж, бесстрастного рулевого в свете нактоуза, мерную походку вахтенного офицера на шканцах...

Теперь он никто. Человек, который расписывал по минутам жизнь пяти сотен подчиненных, выпрашивает один-единственный матрац для единственного своего старшины. Жандармский сержант безнаказанно его оскорбляет, он должен покоряться презренному временщику. Хуже того – при одном воспоминании к щекам прихлынула горячая кровь – его везут в Париж как преступника. Очень скоро холодным утром его выведут в ров Венсенского замка, чтобы поставить к стенке. А потом смерть. Живое воображение ясно рисовало касание пули. Интересно, долго ли длится боль до того, как наступает забытие? Он убеждал себя, что страшится не забытия – оно будет избавлением от тоски, почти желанным, – но окончательности, необратимости смерти.

Нет, даже не это. Скорее он инстинктивно боялся перемены, переходу к чему-то совершенно неведомому. Он вспомнил, как мальчиком ночевал в гостинице в Эндове – на следующий день ему предстояло взойти на корабль и окунуться в совершенно незнакомую флотскую жизнь. Наверное, точнее сравнения не подберешь – он был тогда напуган, так напуган, что не мог спать, и все же «напуган» – слишком сильное слово, чтобы описать состояние человека, полностью смирившегося с будущим, который не виноват, что сердце колотится и по всему телу выступает пот!

В ночной тишине громко застонал Буш. Хорнблауэр отвлекся от анализа своих страхов. Они расстреляют и Буша. Наверное, привяжут к столбу – удивительно, как легко приказать солдатам стрелять в стоящего, даже совершенно беспомощного человека, и как трудно – в

простертого на носилках. Это будет чудовищным преступлением. Пусть даже капитан виноват, Буш только исполнял приказы. Но Бонапарт пойдет и на это. Необходимость сплотить Европу в борьбе против Англии подстегивает его все сильнее. Блокада душист французскую Империю, как душил Антея Геракл. Вынужденные союзники Бонапарта, то есть вся Европа, исключая Португалию и Сицилию, беспокоится и подумывает о переходе в другой стан. Сами французы, догадывался Хорнблауэр, подобно лафонтеновским лягушкам, не в восторге от короля-аиста, которого сами же выпросили себе на голову. Бонапарту мало сказать, что британский флот – преступное орудие вероломной тирании, он говорил это десятки раз. Объявить, что британский флотский офицер нарушил воинские соглашения, тоже будет пустым сотрясением воздуха. А вот судить и расстрелять парочку офицеров – куда убедительнее. Франция, даже Европа, вполне могут поверить превратно изложенным фактам – еще год-два враждебности к англичанам Бонапарту обеспечены.

Только жаль, что жертвами будут он и Буш. За последние несколько лет в руки Бонапарту попали десятки британских капитанов, против половины из них он мог бы сфабриковать обвинения. Вероятно, на Хорнблауэра и Буша пал выбор судьбы. Хорнблауэр убеждал себя, что двадцать лет ходил под угрозой внезапной насильственной смерти. И вот она перед ним, неминуемая, неотвратимая. Он надеялся, что встретит ее смело, пойдет на дно под развевающимися флагами, однако он не доверял слабому телу. Он боялся, что лицо побелеет и зубы будут стучать, хуже того, что подведет сердце, и он упадет в обморок. «Монитор Юниверсаль» не преминет напечатать пару язвительных строк – отличное чтение для леди Барбары и Марии.

Будь он в комнате один, он бы громко стонал и ворочался с боку на бок. А так он лежал неподвижно, молча. Если его подчиненные проснутся, они не догадаются, что капитан бодрствует. Он стал думать, как бы отвлечься от будущего расстрела, и мысли не замедлили нахлынуть. Жив ли адмирал Лейтон или убит, а если убит, чаще ли леди Барбара Лейтон будет вспоминать Хорнблауэра, своего воздыхателя, как развивается беременность Марии, как английская публика расценивает капитуляцию «Сатерленда» и в особенности как расценивает ее леди Барбара – сомнения и тревоги сменялись, как плавучий мусор в водовороте его сознания. На конюшне били копытами лошади, каждые два часа сменялись часовые за дверью и за окном.

Глава V

Заря только брезжила, наполняя комнату серым утренним светом, когда звон ключей и топот подошв возвестили о появлении жандармского сержанта.

– Карета тронется через час, – объявил он. – Лекарь будет через полчаса. Попрошу господ приготовиться.

Буша заметно лихорадило – Хорнблауэр увидел это сразу, когда, еще не сменив вышитую ночную рубашку на мундир, склонился над носилками.

– У меня все хорошо, сэр, – сказал Буш, однако лицо его горело, руки стискивали одеяло. Хорнблауэр подозревал, что даже то сотрясение пола, которое производят они с Брауном при ходьбе, причиняет Бушу боль.

– Я готов помочь вам чем могу, – сказал Хорнблауэр.

– Нет, сэр. Если вы не против, давайте подождем врача.

Хорнблауэр умылся и побрился холодной водой – теплой ему не давали с самого «Сатерленда». Больше всего хотелось искупаться под холодной струей из помпы, при одной этой мысли по коже побежали мурашки. Мерзко было мыться намыленной рукавичкой, по несколько дюймов в один прием. Браун одевался в уголке и, когда капитан умылся, бесшумно проскользнул к умывальнику. Вошел лекарь с чемоданчиком.

– Как сегодня раненый? – спросил он поспешно. Хорнблауэру показалось, что врач с явной тревогой разглядывает горячее лицо Буша.

Лекарь встал на колени, Хорнблауэр опустился рядом. Лекарь размотал бинты – обрубок задержался в крепких докторских пальцах. Лекарь взял руку Хорнблауэра и положил ее на кожу над раной.

– Тепловато, – сказал лекарь. Хорнблауэру нога показалась совсем горячей. – Это может быть хорошим знаком. Сейчас проверим.

Он ухватил лигатуру пальцами и потянул. Нить змейкой выскользнула из раны.

– Отлично! – сказал лекарь. – Превосходно!

Он внимательной разглядывал клочья плоти на узелке, потом наклонился обозреть тонкую струйку гноя, вытекшую из раны на месте выдернутой лигатуры.

– Превосходно! – повторил лекарь.

Хорнблауэр поворошил в памяти, вспоминая многочисленные рапорты, которые приносили ему корабельные врачи, а также устные комментарии последних. Из подсознания всплыли слова «доброкачественный гной» – это было важное отличие между дренированием стремящейся исцелиться раны и зловонным соком отравленной плоти. Судя по замечаниям лекаря, гной был именно доброкачественный.

– Теперь другую, – сказал лекарь. Он потянул за оставшуюся лигатуру, но исторг только вопль боли (полоснувший Хорнблауэра по сердцу) да конвульсивные подергивания истерзанного тела.

– Не готова, – сказал лекарь. – Однако, полагаю, речь идет о нескольких часах. Ваш друг намерен сегодня продолжить путь?

– Мой друг не распоряжается собой, – сказал Хорнблауэр на нескладном французском. – Вы считаете, что продолжать путь было бы неразумно?

– Весьма неразумно, – сказал лекарь. – Дорога причинит больному большие страдания и поставит выздоровление под угрозу.

Он пощупал Бушу пульс и задержал руку на лбу.

– Весьма неразумно, – повторил он.

Дверь отворилась, и вошел сержант.

– Карета готова, – объявил он.

– Я еще не перевязал рану. Выйдите, – произнес доктор резко.

– Я поговорю с полковником, – сказал Хорнблауэр.

Он проскользнул мимо сержанта, который запоздало попытался преградить ему путь, выбежал в коридор и дальше во двор гостиницы, где стояла карета. Лошадей уже запрягли, чуть дальше седлали своих скакунов жандармы. Полковник Кайяр в синем с красным мундире, начищенных сапогах и с подпрыгивающим при ходьбе орденом Почетного легиона как раз пересекал двор.

– Сударь, – обратился к нему Хорнблауэр.

– Что такое?

– Лейтенанта Буша везти нельзя. Рана тяжелая, и приближается кризис.

Ломанные французские слова несвязно слетали с языка.

– Я не нарушу приказа, – сказал Кайяр. Глаза его были холодны, рот сжат.

– Вам не приказано его убивать.

– Мне приказано доставить его в Париж как можно быстрее. Мы тронемся через пять минут.

– Но, сударь... Неужели нельзя подождать хотя бы день...

– Даже пираты должны знать, что приказы выполняются неукоснительно.

– Я протестую против этих приказов во имя человечности...

Фраза получилась мелодраматической, но мелодраматической была и сама минута, к тому же из-за плохого знания французского Хорнблауэру не приходилось выбирать слова. Ушей его достиг сочувственный шепот, и, обернувшись, он увидел двух служанок в фартуках и хозяина – они слышали разговор и явно не одобряли Кайяра. Они поспешили укрыться на кухне, стоило тому бросить на них яростный взгляд, но Хорнблауэру на минуту приоткрылось, как смотрит простолюдин на имперскую жестокость.

– Сержант, – распорядился Кайяр, – поместите пленных в карету.

Противиться было бессмысленно. Жандармы вынесли носилки с Бушем и поставили их в карету. Хорнблауэр и Браун бегали вокруг, следя, чтобы не трясли без надобности. Лекарь торопливо дописывал что-то на листке, который вручил Хорнблауэру его росасский коллега. Служанка, стуча башмаками, выскочила во двор с дымящимся подносом, который передала Хорнблауэру в открытое окно. На подносе был хлеб и три чашки с черной бурдой – позже Хорнблауэр узнал, что такой в блокадной Франции кофе. Вкусом она напоминала отвар из сухарей, который Хорнблауэру случалось пить на борту в долгих плаваниях без захода в порт, однако была горячая и бодрила.

– Сахара у нас нет, – сказала служанка виновато.

– Неважно, – отвечал Хорнблауэр, жадно прихлебывая.

– Какая жалость, что бедненького раненого офицера увозят! – продолжила девушка. – Эти войны вообще такие ужасные.

У нее был курносый носик, большой рот и большие карие глаза – никто бы не назвал ее хорошенькой, но сочувствие в ее голосе растрогало бы любого арестанта. Браун приподнял Буша за плечи и поднес чашку к его губам. Тот два раза глотнул и отвернулся. Карета вздрогнула – кучер и жандарм влезли на козлы.

– Эй, отойди! – заорал сержант.

Карета дернулась и покатилась по дороге, копыта зацокали по булыжникам. Последнее, что Хорнблауэр увидел, было отчаянное лицо служанки, когда та увидела карету, уезжающую вместе с подносом.

Судя по тому, как мотало карету, дорога была плохой, на одном ухабе Буш с шумом потянул воздух. Раздуваемую, воспаленному обрубку тряска, должно быть, причиняла нестерпимую боль. Хорнблауэр подсел и взял Буша за руку.

– Не тревожьтесь, сэр, – сказал Буш, – со мной все хорошо.

Карету опять тряхнуло, Буш сильнее сжал его руку.

– Мне очень жаль, Буш, – вот и все, что Хорнблауэр мог сказать: капитану трудно говорить с лейтенантом о таких личных вещах, как жалость и сопереживание.

– Мы тут ничего не можем поделать, – сказал Буш, пытаясь изобразить улыбку.

Полнейшее бессилие угнетало больше всего. Хорнблауэр обнаружил, что ему нечего говорить, нечего делать. Пахнущая кожей внутренность кареты давила на него. Он с ужасом осознал, что им предстоит провести в этой тряской тюрьме еще дней двадцать. Он начал беспокоиться, и, наверное, состояние это передалось Бушу – тот мягко отнял руку и повернулся на подушке, чтобы капитан мог хотя бы шевелиться в тесном пространстве кареты.

Иногда за окном проглядывало море, с другой стороны тянулись Пиренеи. Высунув голову, Хорнблауэр заметил, что сопровождающих поубавилось. Два жандарма ехали впереди, остальные четверо – позади кареты, сразу за Кайяром. Теперь они во Франции, значит, вероятность побега гораздо меньше. Стоять, неловко высунув голову в окно, было не так томительно, как сидеть в духоте. Они проезжали мимо виноградников и сжатых полей, горы отступали. Хорнблауэр видел людей, главным образом женщин – те лишь ненадолго поднимали глаза от своих мотыг, чтобы взглянуть на карету и верховых. Раз они проехали мимо отряда солдат. Хорнблауэр догадался, что это новобранцы и выздоровевшие после ранения, на пути в Каталонию. Они брели, похожие больше на овечье стадо, чем на солдат. Молодой офицер отсалютовал Кайяру, не сводя с кареты любопытных глаз.

Необычные арестанты проезжали по этой дороге. Альварес, мужественный защитник Жероны⁴, скончавшийся в темнице на тачке – другой постели ему не нашлось, Туссен-Лувертюр⁵, чернокожий гаитянский герой, которого похитили с его солнечного острова и отправили в Юрские горы умирать в крепости от неизбежного воспаления легких, Палафокс из Сарагосы⁶, юный Мина из Наварры⁷ – всех их убила мстительность корсиканского тирана. Их с Бушем имена лишь дополняют этот славный список. Герцог Энгиенский, которого расстреляли в Венсенском замке шесть лет назад, принадлежал к королевскому роду, и смерть его потрясла всю Европу, но Бонапарт уничтожил и многих других. Мысль о предыдущих жертвах заставила Хорнблауэра пристальнее вглядываться в пейзаж за окном, глубже вдыхать свежий воздух.

Они остановились на почтовой станции сменить лошадей – отсюда еще было видно море, и гора Канигу по-прежнему высилась в отдалении. Запрягли новую упряжку, Кайяр и жандармы пересели на свежих лошадей и меньше чем через четверть часа опять тронулись в путь, с новой силой преодолевая крутой подъем. К Хорнблауэру вернулась способность считать – он прикинул, что они делают миль по шесть в час. Сколько еще до Парижа, он не знал, но догадывался, что пятьсот или шестьсот. Семьдесят-девять часов пути и они в столице; а они могут ехать в день по восемь, двенадцать, пятнадцать часов. Может быть, они доберутся до Парижа за пять, может быть – за двенадцать дней. Может быть, его не будет на свете через неделю, а может – спустя три недели он еще будет жив. Еще жив! Произнеся про себя эти слова, Хорнблауэр понял, как хочет жить. Это была одна из редких минут, когда Хорнблауэр, которого он изучал отстраненно и немного брезгливо, сливался

⁴ Бригадир Мариано Альварес де Кастро (1749–1810) – военный губернатор Жероны, много месяцев оборонял город от многократно превосходящих французских сил. Скончался в плену, по утверждению французов – от лихорадки, по утверждению испанцев – от яда.

⁵ Туссен-Лувертюр Франсуа Доминик (1743–1803) – лидер гаитянской революции. Бонапарт сперва поддержал созданную Туссеном республику, но затем отправил туда войска. В мае 1802 года Туссен принял предложенное Францией перемирие, а уже в мае его арестовали и отправили во Францию.

⁶ Хосе Реболledo де Палафокс и Мельци, герцог Сарагосский (1776–1847) – испанский генерал и политический деятель, который в 1808 году успешно оборонял Сарагосу от французов. В 1809 году его, больного, взяли в плен и доставили в Париж.

⁷ Франсиско Хавьер Мина (1789–1817) – один из вождей испанской герильи, был схвачен французами в 1810 году.

с тем Хорнблауэром, который был он сам, самый важный и значительный человек в мире. Он завидовал старому сгорбленному пастуху в рваной одежде, который брел, опираясь на палку, по склону холма.

Они въезжали в город – земляной вал, хмурая цитадель, величавый собор. Проехали ворота. Карета пробиралась по узким улочкам, копыта звонко цокали по мостовой. Здесь тоже было много солдат: улицы пестрели разномастными мундирами. Должно быть, это Перпиньян, французский перевалочный пункт для переброски войска в Каталонию. Карета резко остановилась на улице пошире, дальше за полосой деревьев виднелась каменная набережная и речушка. Подняв глаза, Хорнблауэр прочел табличку: «Почтовая станция Педпикс. Государственный тракт № 9. Париж – 849». Сменили лошадей, Брауну и Хорнблауэру неохотно разрешили выйти и размять ноги перед тем, как заняться потребностями Буша – их у последнего в теперешнем состоянии было немного. Кайяр и жандармы наскоро перекусили – полковник в дальней комнате, солдаты у окна. Арестантам принесли на подносе ломтики холодного мяса, хлеб, вино, сыр. Еду только передали в карету, а жандармы уже вскочили на коней и кучер щелкнул бичом. Мотаясь из стороны в сторону, как корабль в море, карета переехала сперва один горбатый мостик, потом другой, и лошади рысью тронулись по обсаженной тополями дороге.

– Времени не теряют, – мрачно заметил Хорнблауэр.

– Уж это точно, сэр, – отозвался Браун.

Буш ничего не ел и, когда ему предложили мясо и хлеб, только слабо помотал головой. Единственно, что они могли сделать, это смочить вином его воспаленные, растрескавшиеся губы. Хорнблауэр строго наказал себе на следующей же станции попросить воды – он переживал, что позабыл такую очевидную вещь. Они с Брауном ели руками и пили по очереди из одной бутылки – Браун, отхлебнув, всякий раз виновато вытирал горлышко салфеткой. Покончив с едой, Хорнблауэр сразу встал к окну, высунулся и стал разглядывать бегущий мимо пейзаж. Пошел холодный дождик, волосы и лицо намокли, за шиворот бежали струйки, но он стоял, глядя на волю.

Ночевать они остановились в трактире под вывеской: «Почтовая станция Сижан. Государственный тракт № 9. Париж – 805. Перпиньян – 44». Сижан оказался большой деревней, растянувшейся на милю вдоль тракта, а гостиница – крохотным домишком, меньше даже конюшен по трем другим углам двора. Лестница наверх была такой узкой, что втащить по ней носилки не представлялось никакой возможности, и лишь с трудом удалось внести их в гостиную, которую нехотя предоставил арестантам хозяин. Когда носилки задели о косяк, Буша передернуло от боли.

– Лейтенанту немедленно нужен врач, – сказал Хорнблауэр.

– Я спрошу хозяина, – ответил сержант.

Хозяин был мрачный косоглазый детина, он злился, что пришлось вытаскивать из лучшей гостиной ветхую мебель, устраивать Хорнблауэру и Брауну постели, приносить разные мелочи, которые они просили для Буша. Ни ламп, ни восковых свечей у него не было, только вонючие сальные.

– Как нога? – спросил Хорнблауэр, наклоняясь над Бушем.

– Отлично, сэр, – упрямо отвечал тот, но его так явно лихорадило и он так явно страдал, что Хорнблауэр встревожился.

Когда сержант провел в комнату служанку с ужином, он резко спросил:

– Где врач?

– В деревне нет врача.

– Нет врача? Лейтенанту очень плохо. Есть ли здесь... есть ли аптекарь?

Не вспомнив французского слова, Хорнблауэр употребил английское.

– Ветеринар ушел в другую деревню и сегодня не вернется. Звать некого.

Сержант вышел. Хорнблауэр объяснил Бушу ситуацию.

– Очень хорошо, – сказал последний, слабо поворачиваясь на подушке.

Хорнблауэру больно было смотреть. Он набирался решимости.

– Я сам перебинтую вам рану, – сказал он наконец. – Мы можем приложить к ней холодного уксуса, как это делают на кораблях.

– Чего-нибудь холодного, сэр, – с надеждой откликнулся Буш.

Хорнблауэр дернул звонок и, когда появились наконец служанка с сержантом, попросил уксуса. Уксус принесли. Никто из троих не вспомнил про стынущий на столе ужин.

– Ну, – сказал Хорнблауэр.

Он поставил блюдечко с уксусом на пол, смочил в нем корпию, приготовил бинты, которыми снабдил его в Росасе гарнизонный лекарь. Отвернул одеяло. Культия подергивалась, пока он разматывал бинты. Она оказалась красной, раздувшейся и воспаленной, на ощупь горячей.

– Здесь тоже здорово опухло, сэр, – прошептал Буш. Лимфатические узлы у него в паху раздулись.

– Да, – сказал Хорнблауэр.

В свете свечи, которую держал Браун, он осмотрел обрубок и бинты. Из того места, где утром вытащили лигатуру, немного сочился гной, в остальном рубец выглядел здоровым. Значит, вся беда во второй лигатуре – Хорнблауэр знал, что опасно оставлять ее после того, как она готова отойти. Он осторожно потянул шелковую нить. Пальцы чувствовали, что она вроде бы свободна. Он вытащил ее на четверть дюйма, Буш лежал спокойно. Хорнблауэр сжал зубы, потянул – нить поддавалась неохотно, однако она явно была свободна и не тащила за собой эластичную артерию. Хорнблауэр тянул. Лигатура медленно выскользнула из раны вся, вместе с узелком. Тонкой струйкой потек окрашенный кровью гной. Дело было сделано.

Артерия не порвалась, и теперь, после удаления лигатуры, ране явно требовалось открытое дренирование.

– Я думаю, теперь вы начнете поправляться, – сказал Хорнблауэр громко и по возможности бодро. – Как оно?

– Лучше, – сказал Буш. – Вроде лучше, сэр.

Хорнблауэр приложил смоченную уксусом корпию к рубцу. Руки дрожали, однако он перевязал рану – это оказалось непросто, но все же осуществимо, – приладил на место плетеную сетку, прикрыл одеялом и встал. Дрожь в руках усилилась, его мучило.

– Ужин, сэр? – спросил Браун. – Мистера Буша я покормлю.

При мысли о еде Хорнблауэру стало совсем тошно. Он хотел отказаться, но это значило бы обнаружить слабость перед подчиненным.

– Когда вымою руки, – сказал он величаво. Он заставил себя сесть, а дальше пошло легче, чем он предполагал. Правда, куски застревали в горле, но он кое-как создал видимость, что поужинал плотно. С каждой минутой воспоминания о сделанном теряли остроту. Буш сильно сдал со вчерашнего вечера – он был вял и есть не хотел, явно из-за лихорадки. Но теперь, когда рана дренируется открыто, можно надеяться на скорое выздоровление. Хорнблауэр устал, и после бессонной ночи его мысли были в полном беспорядке; сегодня заснуть было легче. Временами он просыпался, слушал, как дышит Буш, и вновь засыпал, успокоенный ровным, спокойным звуком.

Глава VI

Дальше детали путешествия стали менее отчетливыми и мешались в голове – до того дня, когда окружающая местность приобрела неестественную предгрозовую четкость. Оглядываясь на предыдущие дни, легче всего было вспомнить, что Буш выздоравливал. С той ночи, когда из раны вынули лигатуру, он уверенно шел на поправку. Силы возвращались с быстротой, удивившей бы всякого, не знакомого с его здоровьем и спартанским образом жизни. Вскоре лейтенанта уже не надо было поддерживать под плечи, чтобы напоить, он садился сам.

Эти подробности Хорнблауэр мог при желании вспомнить, но все остальное смешалось в кучу. Он помнил, что долгие часы стоял у окна, и почти все время на голову капал дождь. То были часы глубокого душевного упадка. Позже Хорнблауэр вспоминал их, как выздоравливающий вспоминает канувшие в горячке дни. Трактиры, где они останавливались, и лекари, которые навещали Буша, перепутались в памяти. Он помнил неумолимую череду табличек на почтовых станциях, настойчиво напоминавших, что до Парижа остается все меньше километров: Париж – 525, Париж – 383, Париж – 285; где-то после этого они съехали с государственного тракта № 9 на государственный тракт № 8. Каждый день приближал их к Парижу и смерти, с каждым днем Хорнблауэр все больше впадал в уныние. Иссуар, Клермон-Ферран, Мулэн; он читал названия городов и тут же забывал.

Осень осталась за Пиренеями. Началась зима. Холодные ветры тоскливо раскачивали облетевшие деревья, поля лежали бурые и безлюдные. По ночам Хорнблауэра мучили кошмары, которых он не мог вспомнить по утрам, дни он проводил, стоя у окна и вперив невидящий взгляд в скучные, мокрые от дождя равнины. Казалось, он провел годы в спертom, пахнущем кожей воздухе, под стук конских подков, постоянно видя краем глаза Кайяра с эскортом чуть позади кареты.

В один из самых тоскливых вечеров его не вывела из оцепенения даже неожиданная остановка, которая вполне могла бы развеять дорожную арестантскую скуку. Хорнблауэр тупо наблюдал, как Кайяр проехал вперед узнать причину задержки, так же тупо понял из разговора, что одна лошадь потеряла подкову и захромала. Он отрешенно смотрел, как распрягают несчастную лошадь, без любопытства слушал, как проезжий торговец на выючном муле отвечает Кайяру на вопрос о ближайшей кузнице. Два жандарма черепашьям шагом двинулись по боковой дороге, ведя охромевшую лошадь в поводу, запряженная тройкой карета двинулась к Парижу.

Ехала она медленно. До того им редко случалось путешествовать в темноте, но теперь ночь грозила застигнуть их далеко от города. Буш и Браун оживленно обсуждали это экстраординарное происшествие – Хорнблауэр слышал их шуточки, но не воспринимал умом, как живущий у водопада человек не замечает шума воды. Тьма сгущалась, хотя было еще совсем не поздно. Небо заволокли черные тучи, ветер угрожающе шумел в облетевших кронах.

Даже безразличный ко всему Хорнблауэр это заметил, а вскоре обнаружил и другое: бьющий в лицо дождь сменился серой крупой, а затем и снегом; большие снежинки холодили ему губы, и он потрогал их языком. Жандарм зажег фонарь на козлах; снег на его плаще тускло искрился в темноте. Копыта стучали приглушеннее, колеса скользили почти беззвучно, карета двигалась все медленнее, увязая в снегу. Кучер безжалостно нахлестывал усталых лошадей – ветер дул им прямо в морду, они то и дело норовили уклониться с пути.

Хорнблауэр обернулся к подчиненным – сквозь переднее окошко проникало совсем немного света от фонаря, так что он еле различал, где они есть. Буш лежал, укрытый одеялами, Браун кутался в плащ, и Хорнблауэр вдруг понял, что очень холодно. Он молча закрыл

окно, оставшись в пахнущем кожей тесном пространстве. Он не заметил, когда отпустило оцепенение.

– Храни Господь тех, кто в море в такую ночь, – сказал он бодро.

В темноте его спутники рассмеялись. По их смеху он понял, что они заметили его уныние, жалели его эти несколько дней и теперь радуются первым признакам выздоровления. Интересно, чего они от него ждут? В отличие от него они не знают, что в Париже двоих должны расстрелять. Что толку ломать себе голову, если их стерегут Кайяр и шесть жандармов? Если Буш – беспомощный калека, разве им убежать? Они не знают, что мысль оставить Буша и бежать вдвоем Хорнблауэр отмел с порога. Положим даже, это бы ему удалось. Что ж, он вернется в Англию и объявит, мол, лейтенанта я бросил на верную смерть? Как на это посмотрят? Может быть, посочувствуют, пожалеют, поймут – нет, лучше пусть его расстреляют рядом с Бушем, пусть он никогда больше не увидит леди Барбару, не увидит новорожденного. И лучше провести оставшиеся дни в апатии, чем изводиться несбыточными планами. И все же перемена погоды его раззадорила. Он смеялся и болтал, чего не было с ним после Безьера.

Карета ползла во тьме, ветер ревел. На окна налип мокрый снег и не таял – слишком холодно было внутри. Не раз и не два карета останавливалась, и Хорнблауэр, высунувшись наружу, видел, как кучер и жандарм очищают конские копыта от смерзшегося снега.

– Если до ближайшей почтовой станции больше двух миль, – объявил он, опускаясь на сиденье, – мы доберемся до нее через неделю.

Теперь они, судя по всему, въехали на горку, лошади пошли быстрее, почти побежали, карету мотало из стороны в сторону. Вдруг снаружи донеслись яростные крики:

– Эй! Стой! Тпру!

Карета развернулась и встала, опасно наклонясь на бок. Хорнблауэр бросился к окну и выглянул. Карета остановилась на самом берегу реки: прямо под колесами струилась черная вода. В двух ярдах от Хорнблауэра моталась привязанная к кольшку лодка. Другой берег терялся в темноте. Жандарм бежал к лошадям, чтобы взять их под уздцы; они пятились и фыркали, напуганные близостью воды.

Где-то в темноте карета свернула с тракта на проселочную дорогу, кучер еле-еле успел натянуть поводья, не то бы они свалились в реку. Кайяр сидел на лошади и злопыхал.

– Ну кучер, ну мастер. Что б тебе заехать прямо в реку – избавить меня от необходимости писать на тебя докладную. Эй, чего стоите? Хотите здесь ночевать? Вытаскивайте карету на дорогу, болваны.

Снег валил, снежные хлопья с шипением таяли на горячих фонарях. Кучер успокоил лошадей, жандармы отошли в сторону, щелкнул бич. Лошади дернулись, оступаясь, нащупывая копытами опору, карета задрожала, но не тронулась с места.

– Эй! – заорал Кайяр. – Сержант и ты, Пеллатон, берите лошадей. Остальные, толкайте колеса. Ну, разом! Толкай! Толкай!

Карета проехала ярд и опять встала. Кайяр ругался на чем свет стоит.

– Если бы господа вышли из кареты и помогли, – предложил жандарм, – может, мы бы ее и сдвинули.

– Пусть помогут, если не хотят ночевать в снегу, – отвечал Кайяр, не снисходя до того, чтобы лично обратиться к Хорнблауэру. Тот сперва решил было, что пошлет Кайяра ко всем чертям – это было бы приятно. С другой стороны, он не хотел ради мелочного удовлетворения обрекать Буша на ночевку в холодной карете.

– Идем, Браун, – сказал он, проглатывая обиду, открыл дверцу и выпрыгнул на снег.

Теперь карета стала легче, и на спицы давили пять человек, но сдвинуть все равно не могли. На крутой берег намело снега, усталые лошади беспомощно барахтались.

– Черт, что за калеки! – орал Кайяр. – Кучер, сколько до Невера?

– Шесть километров, сударь.

– То есть, по-твоему, шесть. Десять минут назад ты был уверен, что едешь по тракту. Сержант, скачите в Невер за помощью. Найдите мэра. Именем императора приведите сюда всех здоровых мужчин. Рамель, поезжай с сержантом до тракта, там останешься и будешь ждать, иначе они нас не найдут. Скачите, сержант, чего вы ждете? Остальные, привяжите лошадей. Накройте им спины своими плащами. Согрейтесь, разгребая с берега снег. Кучер, слезай с козел и помоги им.

Темень сгустилась. В двух ярдах от горящего фонаря было не видно ни зги, ветер оглушительно свистел, заглушая возню жандармов, которые разгребали снег чуть поодаль. Чтобы согреться, Хорнблауэр притоптывал и хлопал себя руками. Однако снег и холодный ветер бодрили, в карету лезть не хотелось. Он в очередной раз взмахнул руками, когда в голове блеснула идея. Он замер с поднятыми руками, потом из нелепого страха, что мысли его прочтут, принялся притоптывать и охлопываться еще более ожесточенно. К лицу прихлынула горячая кровь, как всего, когда он продумывал смелое решение – когда сражался с «Нативидадом» или буксировал «Плутон» в шторм у мыса Креус.

Чтобы бежать, нужен способ тащить беспомощного калеку. Теперь в двадцати футах от них качалось на воде идеальное средство передвижения – привязанная к колышку лодка. В такую ночь легко сбиться с пути – но только не на реке, достаточно отталкиваться от берегов, и течение понесет их быстрее скачущей лошади. Несмотря на это, план был совершенно отчаянным. Сколько дней они пробудут во Франции на свободе, двое здоровых мужчин и один безногий? Они замерзнут, умрут от голода, утонут, наконец. Однако это шанс, иначе им расстрела не избежать. С интересом Хорнблауэр отметил, что теперь, когда он принял решение, горячка пошла на убыль. Он сообразил, что лицо его сведено грозной решимостью, ему стало смешно, и он снова улыбнулся. В качестве героя он всегда казался себе немного комичным.

Браун топтался возле кареты. Хорнблауэр заговорил, стараясь, чтобы голос его звучал тихо и обыденно.

– Мы убежим в этой лодке, Браун, – сказал он.

– Есть, сэр, – отвечал Браун таким тоном, словно Хорнблауэр пожаловался на холод, и повернулся к почти невидимому Кайяру – тот мерил шагами снег за каретой.

– Надо заткнуть ему рот, – сказал Хорнблауэр.

– Есть, сэр. – Браун секунду помедлил. – Лучше, если это сделаю я, сэр.

– Очень хорошо.

– Сейчас, сэр?

– Да.

Браун сделал два шага к ничего не подозревающему Кайяру.

– Эй, – позвал он. – Эй!

Кайяр повернулся и тут же получил мощный удар в челюсть, удар, в который Браун вложил все свои четырнадцать стоунов веса. Кайяр упал на снег, Браун, как тигр, напрыгнул на него сверху, Хорнблауэр был уже рядом.

– Завяжи его в плащ, – приказал Хорнблауэр. – Держи за горло, пока я расстегну пуговицы. Жди. Вот лента. Замотай пока голову.

Лента Почетного легиона несколько раз обвила голову несчастного. Браун перевернул извивающееся тело и, прижимая коленом загривок, связал Кайяру руки шейным платком. Носовой платок Хорнблауэра стянул тугим узлом лодыжки. Согнув тело вдвое, они обмотали его плащом и связали перевязью. Буш, лежа на носилках в темноте, услышал, что дверца открылась и на пол плюхнулось что-то тяжелое.

– Мистер Буш, – сказал Хорнблауэр – формальное «мистер» пришло само собой, как только он начал действовать. – Мы бежим в лодке.

– Удачи, сэр, – сказал Буш.

– Вы отправляетесь с нами. Браун, берись за этот край. Подымай. Право руля. Так держать.

Буш вместе с носилками оказался снаружи. Его несли к реке.

– Подтащи лодку, – командовал Хорнблауэр. – Обрежь трос. Ну, Буш, дайте я закутаю вас в одеяло. Вот мой плащ, накройте им. Делайте, что приказано, мистер Буш. Берись с другого края, Браун. Клади на кормовое сиденье. Опускай. Садись на переднюю банку. Весла. Хорошо. Отваливай. Весла на воду.

С зарождения идеи прошло шесть минут. Теперь они, свободные, несутся по черной реке, а связанный Кайяр с кляпом во рту валяется на дне кареты. На какую-то секунду Хорнблауэр задумался, не задохнется ли Кайяр прежде, чем его обнаружат, и тут же понял, что ему это безразлично. Личные адъютанты Бонапарта, в особенности если они – полковники жандармерии, должны знать, что их грязная работа сопряжена с определенным риском. Хорнблауэру и без Кайяра было о чем подумать.

– Суши весла, – сказал он Брауну. – Пусть плывет по течению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.